

НОБЕЛЕВСКОМУ КОМИТЕТУ
ПО ПРИСУЖДЕНИЮ ПРЕМИЙ МИРА.
ОСЛО

В швейцарской печати можно прочесть, что наиболее вероятными кандидатами на Нобелевскую премию мира этого года являются президент Чехословацкой республики Масарик и немецкий писатель Карл Осецкий.

Трудно судить, насколько этот слух — плод желаний и домыслов, а насколько он соответствует действительным намерениям комитета. Будьте снисходительны к моему, может быть, неуместному рвению, если я позволю себе заметить Вам по этому поводу следующее.

Выбор уважаемого президента Чехословацкой республики несомненно вызвал бы самое сердечное одобрение всех друзей мира. Сам по себе это был бы самый удачный выбор из возможных. Трудно выразить словами, но я все же хочу, чтобы Вы представили себе, какая волна радости и удовлетворения прошла бы по всему интеллектуальному миру, если бы комитет принял, может быть, менее безупречное и бесспорное, но зато морально более важное решение и присудил премию мученику идеи мира Карлу Осецкому, три года томящемуся в концентрационном лагере. Первый выбор был бы, конечно, и правилен и хорош, это был бы безупречный поступок, он не вызвал бы ничьей неприязни и никого не удивил бы. Но второй выбор был бы великим, свободным и сильным моральным деянием ослепительной яркости, освободительным деянием во всех значениях этого слова, и оно вселило бы утешение, стойкость и новую веру в силу добра не только в сердце того человека, на которого пал бы этот выбор, а и в миллионы измученных сердец, готовых во мраке и одичании нашего времени усомниться в силе добра, — это было бы благодеяние в самом полном и самом высоком смысле слова. Иметь власть, чтобы совершить это благодеяние — счастье, которым никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя пренебрегать, и никогда человечество не забудет тех людей, которые совершили бы его вопреки все возрастающей моральной апатии, отупению и усталому примиренчеству.

Вот что я хотел сказать. Я не знаю, конечно, какие прагматические сомнения и раздумья могут побудить комитет предпочесть более нейтральное и морально менее акцептированное решение. Присуждение премии мира, как известно, не должно иметь политической окраски и никоим образом не должно быть оскорбительным для правительства всеми признанного и суверенного европейского государства. Но, награждая этой премией, комитет неизбежно и при всех обстоятельствах осуществляет политический акт, само ее учреждение было таким актом, а вручению ее всегда будет присущ открытый, публичный характер: характер демонстрации в пользу политической идеи, объединяющей политику и мораль, идеи мира между народами, демонстрации в пользу ее по-

бедоносных или страдающих борцов. Не всегда было возможно, и не всегда будет возможно давать премии главам государств и членам правительств, таким, как Бриан и Штреземан. Сама природа идеи мира, а может быть, и сама природа правительств такова, что идеи мира обычно находятся в оппозиции, и в этих случаях те, кому надлежит присуждать премию, должны волей-неволей выступить за оппозицию, против правительств.

Однако правительство, о котором здесь идет речь, исповедует, как всем известно, ясно выраженные пацифистские взгляды. Всем памятна речь, в которых фюрер германского государства, к общей радости и облегчению, заверил всех, что он и его помощники стремятся к миру и что германское вооружение как материальное, так и моральное имеет сугубо мирный характер. В германском официозе «Völkischer Beobachter» можно прочесть статьи, которые подобны огнеметам, извергающим пламя против мировой военной промышленности и происков, которые могут когда-нибудь привести к тому, что молодежи Европы еще раз придется истекать кровью на полях сражений. Каковы бы ни были человеческие, духовные, политические разногласия между германским рейхсканцлером и писателем, выдвинутым на премию мира, в решающем и главном — в общем отвращении к войне — оба они придерживаются одних взглядов. Тот факт, что, несмотря на это, Осецкий вместе со многими пацифистами содержится в бессрочном и страшном заключении, принадлежит к тем противоречиям и логическим несуразностям национал-социализма, с которыми мы сталкиваемся в жизни и которые не только не смущают, но даже преисполняют гордости его приверженцев. И что же, оскорблением для германского правительства было бы, если бы борец за мир Осецкий — он, кстати, не коммунист и не еврей — получил премию мира? Нет, оскорблением для германского правительства будет, если мы усомнимся в правдивости его речей и, считаясь лишь с тем, что нам представляется его истинными взглядами, отвернемся от такой обоснованной кандидатуры, как кандидатура Осецкого. Это мое мнение, и мне кажется, что иного мнения здесь быть не может. Лишить бедного Осецкого премии из-за того, что германское правительство могло бы выразить недовольство по поводу его награждения — вот что было бы оскорбительным недоверием к клятвенным заверениям этого правительства, вот что было бы нарушением дипломатического этикета.

Награждение Осецкого премией за борьбу всей его жизни я назвал освободительным деянием. Как хотелось бы, чтобы оно было освободительным в первую очередь для самого Осецкого. Ведь в самом деле, могло бы случиться, что оказанная ему честь помогла бы освободить несчастного и вернула его миру. К сожалению, этой надежде, по-видимому, не суждено сбыться по той простой, хотя и немного страшной причине, что человека нежной и сложной душевной организации нельзя показывать миру после того, как он три года провел в концентрационном лагере. Сведения о состоянии этого Флорестана не проникают во внешний мир, но, по всей вероятности, Осецкий теперь физически и духовно сломленный человек, и его, будь он даже лауреатом премии мира, все равно, во избежание неприятных впечатлений, не выпустят из заключения до его уже недалекой кончины. Но разве печальное предположение, что этот луч света не

спасет самого Осецкого, должно помешать Нобелевскому комитету принять его решение? Конечно нет. Ибо дело ведь не в одном человеке, он — одна из тысяч жертв, он жертва той исторической динамики, излюбленным девизом которой являются слова о щепках, которые летят, когда рубят лес; этой динамике, в бесконечной ее жестокости, летящие щепки гораздо важнее самой рубки леса, и она требует все новых жертв, чтобы утвердиться в своем великолепии. Нет, не отдельный человек, как бы ни скорбело о нем сердце, важен для духа и мысли. Здесь речь идет об устройстве мира, о положении человека вообще, судьба которого в мрачной своей безнадежности так страшно напоминает судьбу узника Флорестана и тех, кто вместе с ним наполняет тюрьмы Писарро. Какой радостью и избавлением было бы, если бы неожиданно с какой-нибудь высокой башни прозвучал сигнал, возвещающий о прибытии добра и справедливости, облеченных королевским авторитетом. Присуждение премии мира мученику Германии было бы для миллионов современников, томящихся во тьме и страхе, таким сигналом. Дайте же, — именем их всех я от всего сердца прошу Вас об этом, — дайте миру этот сигнал!

1935

ПРИМЕЧАНИЯ

Масарик Томаш-Гарриг (1850—1937) — чешский буржуазный политический деятель, с 1918 по 1935 г. — бессменный президент Чехословацкой республики. Масарик и его ближайший сотрудник Э. Бенеш (в 1935 г. избранный президентом) неизменно проводили политику подавления революционного движения рабочих и крестьянских масс. Внешняя политика Масарика носила антисоветский характер.

Осецкий Карл фон (1889—1938) — немецкий прогрессивный публицист, редактор органа передовой интеллигенция «Die Weltbühne», в котором он обличал антидемократическую политику правящих кругов Веймарской республики и предостерегал от прихода к власти нацистов и от их агрессивных планов. В 1932 г. был обвинен в государственной измене и заключен в тюрьму, а в 1933 г., с приходом Гитлера к власти, — в концлагерь. В 1936 г. ему была присуждена Нобелевская премия мира. Осецкий после освобождения умер от последствий лагерного режима.

Бриан Аристид (1862—1932) — реакционный французский политический деятель и дипломат; с 1925 г. сторонник сближения с Германией для активной борьбы против СССР.

Штреземан Густав (1878—1929) — германский государственный деятель и дипломат, игравший на противоречиях империалистических держав. Его целью было ликвидировать по частям Версальский договор. Штреземан содействовал заключению советско-германского торгового договора (1925) и договора о нейтралитете (1926).

Примечания В. Голанда